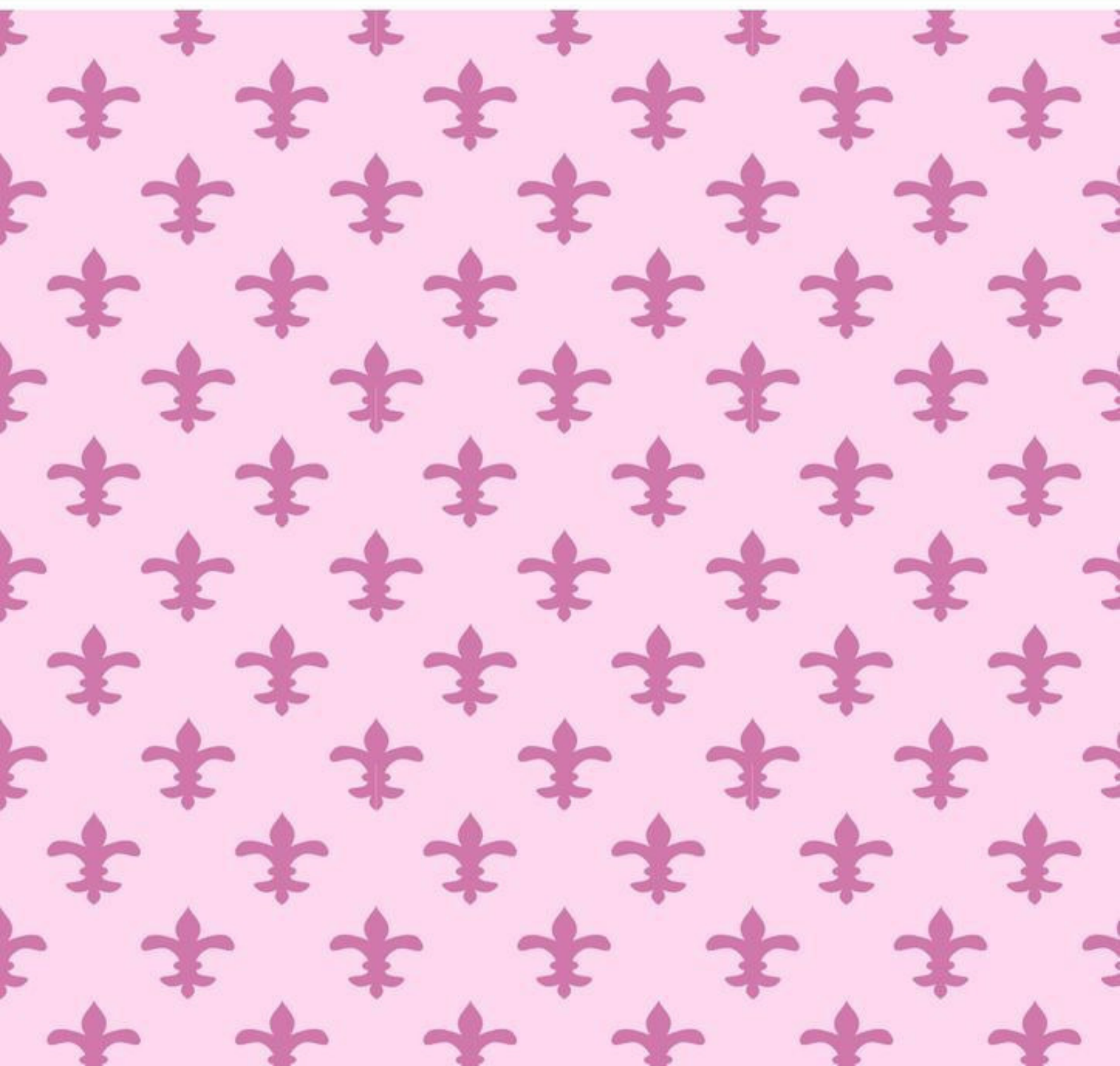

18+

ДМИТРИЙ СЕМИШЕВ

Излом

Дмитрий Семишев

Излом. Роман

«Издательские решения»

Семишев Д.

Излом. Роман / Д. Семишев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984824-6

История о том, как мы, простые люди, живущие вдали от столицы, восприняли переломный момент в истории нашей страны — развал Союза и переход к дикому капитализму. В общем, про жизнь и любовь...

ISBN 978-5-44-984824-6

© Семишев Д.
© Издательские решения

Содержание

Конфуций	6
Белоярка	8
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Излом Роман

Дмитрий Семишев

© Дмитрий Семишев, 2020

ISBN 978-5-4498-4824-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Не дай вам Бог
жить в эпоху перемен!*

Конфуций

Я ехал на рейсовом автобусе в городок энергетиков, где работал после окончания политехнического. За окном поля сменялись лесопосадками, лесопосадки снова полями. Обычный скучный пейзаж. Начиналась осень. Горбачевская перестройка была в разгаре. КПСС еще рулила, сельское хозяйство еще худо-бедно шевелилось по-советски. На полях то там, то здесь мелькали тракторишки.

На очередной остановке в автобус вошел священник, мужчина явно за пятьдесят, с окладистой аккуратной бородой, заметно тронутой сединой. Окинув беглым взглядом салон, обратился ко мне:

– У вас свободно?

– Да, конечно. Присаживайтесь, – отвечаю я, убирая свой «дипломат» с соседнего сиденья себе на колени.

Скорее от скуки, чем из интереса, спросил:

– Скажите, пожалуйста, если не секрет, конечно, а вот в церкви у вас перестройка с ускорением присутствуют в каком-либо виде?

Батюшка посмотрел на меня и как будто с неохотой ответил:

– Вы, молодой человек, вижу, в Господа не веруете и в храме Божьем не бываете?

– От чего же... То есть, я хотел сказать, что к воинствующим атеистам себя не отношу.

Скорее к сомневающимся. А в храме, действительно, не бываю. Не приучили, как-то, знаете ли, родители с детства.

– Оттого и вопросы такие задаете.

– Какие?

– Скажем так, некорректные. Церковь, видите ли, по своему Уставу живет. Хотя от судеб страны и народа себя не отделяет. Точно так же чему-то радуемся, а чего-то страшимся.

– Ну, вам-то чего страшиться? Разве Господь вас, верующих, не бережет? Я всегда полагал, что истинно верующему человеку и смерть не страшна, ибо она и только она истинно приближает человека к Богу. Не то, что мы, темные миряне, – с некоторой долей иронии заметил я.

Батюшка вздохнул, опустил голову, отчего показалось, что почти все лицо его укрылось в роскошной бороде. Секунду подумав, он вынул лицо из бороды и, не поворачивая головы, задумчиво произнес:

– Не смерть страшна сама по себе. Страшна неотвратимость, неизбежность. И это относится к любому событию, к любому деянию в этой жизни.

Мне стало совсем весело, и я решил подначить его:

– Так, стало быть, и перестройка вас пугает своей неизбежностью? Более того, скажу вам, думается мне, смена общественного строя не за горами.

Это уж совсем страшно по-вашему?

Все также глядя перед собой и словно не замечая моей иронии, батюшка тихо и размеренно произнес:

– Страшна неизбежность. Неизбежность расплаты за все свои поступки. Неизбежность Суда Божьего. Печальнее всего, когда отдельные люди, а порой и целые народы идут в пропасть, яки агнцы. Хотя зачастую и понимают, и осознают, а все одно идут навстречу гибели своей. И никто ничего сделать не может. Вот это и есть неизбежность. Только истинная вера могла бы спасти и уберечь. Да только мало ее осталось на Земле, посему испытаний страшных не избежать. Так-то вот, молодой человек. Попомните слова мои.

Автобус качнулся, чихнул и, обдав пылью маленькую автостанцию, остановился.

– Ну, всего вам доброго. Храни вас Господь, – батюшка удивительно легким движением поднялся с сидения, сбежал по ступенькам автобуса и растворился в толпе станционной площадки.

Я медленно шел с автостанции в сторону дома и думал над словами священника. От моего задорного юмора не осталось и следа. Если б я только мог знать тогда, как окажется прав мой случайный попутчик!

Белоярка

После смены я по пути заскочил в отдел ядерной безопасности за своим другом Юрой Рябининым, чтобы вместе поехать в поселок со станции, поболтать по дороге о том, о сем, обменяться мнениями о происходящем в стране и в мире. Кроме того, у меня было к нему дело.

Я, Юрка и Игорь учились в институте в одной группе, все трое жили в студенческом общежитии, подрабатывали вместе в котельной и в итоге крепко сдружились. Так втроем и приехали в Заречный работать на станции. Игорь, как человек к тому времени уже женатый и с ребенком, получил комнату в «малосемейке», Юра жил с отцом в родительской квартире, поскольку был из местных, а я – в холостяцкой общаге на койко-месте. Работать мы с Игорем попали в вахту, то есть по сменам в составе оперативного персонала. А Юрку, как отличника «боевой и политической подготовки» – красный диплом, как-никак, у человека, – определили в отдел ядерной безопасности. Игорь, правда, в вахте задержался недолго. По принятой в те времена системе подбора кадров он попал под «разнарядку» и его прибрал к рукам районный комитет коммунистической партии. И так он быстро на новом месте освоился, что уже через год стал заведовать каким-то там отделом. Но не зазнавался и дружбы с нами не терял. Вскоре, кстати, получил двухкомнатную квартиру, где мы частенько и собирались теплой компанией.

Я бодро сбежал вниз по лестнице и вошел в отдел безопасности. Там уже никого не было, кроме единственного человека. Пока я вышел из зоны, пока ополоснулся в душе и переоделся в «гражданское», дневники уже ушли на остановку. Задержавшийся в отделе инженер, тоже, кстати, Юра, только Морозов по фамилии, глянул на меня вопросительно поверх очков в толстой черной роговой оправе.

– А что, все уже разбежались? – спросил я.

– Разбегаются, молодой человек, только тараканы, а люди ушли. Рабочий день закончен, – наставительно отчеканил Морозов. «Во уел!» – беззлобно подумал я.

– А ты чего?

– А я задержусь. Необходимо закончить техническую записку. Завтра к зам главного с утра, – все тем же наставительным и монотонным, как у робота, голосом ответил Юрий.

– Ну, давай. Успехов.

Я рванул на остановку. Автобус уже ушел, и в нем, судя по всему, уехал и Рябинин. Дождаясь следующего автобуса, я невольно думал о Морозове. Свообразный он человек, если не сказать странный. Хотя, чего в нем странного? Просто правильный очень. Несмотря на то, что ему уже под тридцать, живет он все еще в общежитии на койко-месте. Семьи нет. И со слов общежитских его соседей, дамы сердца, похоже, тоже нет. Каждое утро Юра подолгу, тщательно делает зарядку. Потом – закаливание. Обливается с ног до головы ледяной водой. Ест в столовой только полезную и «правильную» пищу по системе «раздельного питания». То есть, если овощи, то в данный прием пищи только овощи. Если мясо – то только мясо. И так далее. Не смешивая одно с другим. По этой же причине хлеб он не ест вовсе. Ибо если хлеб – то только хлеб. Так он иногда ужинает в общаге: пара-тройка венских булочек с кипятком. Без заварки. Ибо если чай – то только чай. Без сахара и уж, упаси Боже, без бутерброда. Вечером после ужина он выжидает ровно два часа. Ни минутой больше, ни минутой меньше. После – пробежка. Ну, это кому пробежка, а кому как, потому что Юра бежит десять километров. Ни метра больше, ни метра меньше. Ежедневно, не смотря ни на что: ни на погоду, ни на настроение или что-то еще. Десять км, и все тут. Спиртное он не пьет вообще, ну и, соответственно, не курит. В свободное от укрепления здоровья время много читает. Один из соседей Морозова как-то рассказывал мне заговорщески тихим, напряженным голосом: «Смотрю, – говорит, – Юрка толстенную такую книжку притащил. Читает ее запоем. Вздыхает и даже вскрикивает временами от восторга. То вдруг губешками своими толстыми как зачмокает и как забуднит

себе под нос: „Ах ты! Ах ты! Во как! Круто, круто!“ Ну, думаю, что за чтиво у него такое? Подкрался как-то раз, пока его дома не было, подсмотрел. Ах ты, батюшки, – матанализ! Открыл оглавление – глазам не верю! Теория рядов, многомерные функции и даже, – веришь, нет? – такая глава: „Проблемы доказательства теоремы Пуанкаре“! О как! А он ее взახлеб!“ – Завершил свой рассказ Юркин сосед и посмотрел на меня округлившимися глазами – понял ли я вообще, о чем разговор?

– Молоток, что тут скажешь, – откликнулся я, – нам бы с тобой тоже не помешало такие книжечки почитать. Только вот у меня семья в другом городе, ребенку полгодика, и каждый день два ведра грязных марлевых подгузников да мокрых пеленок тазик. Так что матанализ не больно-то считаешь...

Справедливости ради надо отметить, что в Заречном достаточно много было людей, в той или иной степени исповедующих здоровый образ жизни. Многие на работу до станции не ездили на автобусе, а бегали трусцой в любое время года. Три километра туда, три обратно. Ежедневно. Такое вот сочетание приятного с полезным.

Мысли мои прервал подошедший со стороны исследовательского института автобус. Я запрыгнул в гостеприимно распахнутую дверь задней площадки, но то ли от груза мыслей своих, то ли от излишней спешки, споткнулся, и чуть было не упал, ухватившись за поручень.

– Хорошо, что пополам, – услышал я за спиной знакомый голос. Обернувшись, я увидел Андрея Мухина. Андрей был давнишний мой добрый приятель. Тоже с института. Хотя учился он на другом факультете, познакомились и сошлись мы с ним близко благодаря журналистике, которой занимались вместе в редакции институтской многотиражки.

– О, привет, Андрюха! А что, говоришь, пополам-то?

– Так ведь, если помнишь, формула кинетической энергии как выглядит? Произведение массы на квадрат скорости пополам. Вот если было бы просто «эм на ве квадрат», ты бы так рухнул, что и покалечился бы изрядно, а раз пополам – так и вот, живой и вполне себе здоровый, – засмеялся Андрей, – чему я, кстати, несказанно рад!

– Я тоже рад тебя видеть, – ответил я вполне искренне.

Хороший парень этот Андрюха. Немного заумный, как все физтехи, но душевный и очень эрудированный. Сросшиеся на переносице брови, до синевы выбритые щеки и копна густых, черных волос придавали ему несколько грозный вид, что никак не сочеталось с его мягким и покладистым характером.

– Как тебе последние КВНовские шуточки? – Спросил он.

– Да я на смене был, КВН не смотрел.

– Ха! Так вот слушай. Наши УПИЙские «дворники» такой диалог выдали: «Барин, ты почему меня так угнетаешь? А как? Хм, убедил!» Или вот еще другая команда: «Открыли мы, – говорят, – бочку с медом, а оттуда целый Рой Медведев!»

– Да, хорошо они по ученому нашему историку прошлись!

– Так то-то и оно! Но, знаешь, все эти хохмы не так уж безобидны, как кажется. Я вот после КВНа задумался, проанализировал, так сказать, исторический опыт человечества. Ведь что получается? Все великие империи долго создавались трудами и завоеваниями, потом достигали своего расцвета, а потом рассыпались как карточные домики! Все! Что римская империя, что третий рейх, что Золотая Орда, что другие. Да, по длительности существования они, конечно, существенно отличаются. Скажем, римская империя продержалась аж семьсот лет, а рейх – только двенадцать, но закономерности-то развития и дальнейшего распада одни и те же! Согласен?

– Возможно. Все в этом мире развивается по спирали, – заметил я философски.

– Спираль – фигура плоская, – уточнил Андрей, – гораздо корректнее оперировать понятием «винтовая линия», у которой каждый последующий виток в точности повторяет предыдущий, но на ступеньку выше. Ну, это элементарная геометрия, а история человечества гово-

рит, что и Советский Союз ожидает та же участь. Еще лет пять, ну, максимум десять, – и все! Конец империи социализма!

– Эх, ты хватил! У нас, как-никак, «братских народов союз вековой». Да и новая общность людей – «советский народ». Мы же не империя, что на штыках легионеров держится. Идеалы и принципы братства, равенства народов и добровольного сплочения никто не отменял!

Автобус подкатил к остановке в центре поселка.

– Пойдем в пельмешку, червячка заморим, – предложил Андрей.

– Извини, не могу. Мне Рябинина перехватить надо. Давай в другой раз, – ответил я и пошел в сторону магазина автозапчастей, куда, как я полагал, первым делом пойдет Юра по пути с работы.

Расчет мой оказался верным. Юра действительно «завис» в автомагазине, подбирая что-то для своей ВАЗовской «восьмерки». У него возиться с техникой – любимое занятие. Помню, как в студенческие годы купил он у кого-то с рук похорошевший уже изрядно мотоцикл чешской марки «Ява». Дело было в октябре. Для покатушек на мотоцикле время на Урале не самое подходящее. Так Юрка его в общаговскую комнату на четвертый этаж затащил и всю зиму там с ним ковырялся. Отремонтировал полностью и двигатель, и подвеску, и электропроводку. А за окном февраль. Что делать? Но Юра даром время терять не стал – раму покрасил, крылья снес приятелю на завод, отхромировал, чтоб блестели, фару какую-то «фентиперстовую» достал, поставил, катафотов везде повесил. Словом, не мотоцикл – картинка! Хоть сейчас на ВДНХ выставляй!

– Привет, борода, – так мы иногда называли Юрку из-за его коротко подстриженной и аккуратно окантованной стильной бородки.

– Здорово, если не шутишь.

– Да уж какие тут могут быть шутки в период перестройки и реструктуризации, – засмеялся я.

– Это точно. Нынче не до шуток. Какие дела?

– Да, нормально все. Слушай, дело у меня к тебе. Жилье мне все обещают, обещают, да когда еще дадут. Замучился я к семье на автобусе гонять. Решил машинешку какую-нибудь взять. С рук, естественно. На новую, сам понимаешь, денежка пока нет. Вот подкопил кой-чего, да и тесть с тещей обещали помочь. Но я же в этом деле ни бум-бум. Поможешь машину выбрать? Чтоб совсем уж на ремонт какой не нарваться.

– Не вопрос! В любое время. На моей, кстати, можем как раз и съездить. Скажешь, как соберешься.

– Добро. Договорились.

Через пару недель Юрка позвонил сам:

– Слушай, ты машину покупать еще не передумал?

– Нет, – говорю, – а что?

– Да у меня тут родственник в деревне свою «двойку» продает. Недорого, кстати. У него тесть в Белоярке большой начальник. Выкружил по случаю новенькую «шестерку» и зятю предложил. Вот Славик «двойку» свою и сдает по-быстренькому. Будешь брать?

– Давай сгоняем, посмотрим.

– Все, заматано. Часиков в шесть встречаемся у моего гаража.

В назначенное время я подходил к Юркиному гаражу. Еще издали заметил красную Рябининскую «восьмерку», стоявшую «под парами» в ожидании старта. В машине сидели двое: за рулем Ракочий, рядом незнакомый мне человек лет сорока, с простоватым, но довольно приятным лицом. Я сел в машину.

– Знакомьтесь. Это Геннадий Васильевич. Суперспец по автомобилям, электронике и слесарному делу. Короче, «золотые руки», – отрекомендовал Юрка незнакомца, – а про тебя я Василичу уже рассказал. Голова у Генки, кстати, тоже золотая.

– Голова нет, не золотая, – отозвался Василич, – голова обычная. Я же ей ем.

– Да, кстати, – добавил Юра, – Геннадий десять лет занимался ралли. Много раз участвовал в серьезных, довольно таки, соревнованиях. Машину, сам понимаешь, гонщики нашего уровня готовят к соревнованиям сами. Так что опыт у Василича по части ремонта машин – будь здоров!

За разговорами я и не заметил, как мы въехали в уютную деревушку Боярку, расположенную неподалеку от Заречного. Подкатили к небольшому бревенчатому дому. Видно было, что хозяин дома человек с хорошо заточенными руками и богатой фантазией. Весь дом вокруг был обшит искусно вырезанными фигурками животных, птиц, удивительных роскошных растений и с какими-то замысловатым орнаментом в качестве фона.

– Ух ты, какая красотища, – вырвалось у меня невольно.

– Ага, Славка повернут на всю голову по этим делам, – заметил Ракочий, – ты еще у него в сарае не был. Вот где целый вернисаж из резьбы по дереву и картин маслом. Тоже по дереву.

Мы вошли во двор. Беленький ВАЗ-2102 стоял прямо посреди двора. Из дома вышел Слава.

– Привет, привет, – пожал он руку каждому из нас, – вот, смотрите, решайте.

Геннадий Васильевич деловито осмотрел машину, открыл капот, заглянул внутрь, зачем-то, присев на корточки, потрогал пальцем тормозной диск, сел на водительское сиденье:

– Запустим? – обратился он к Славе.

– Конечно, – Слава протянул Василичу ключ зажигания.

Мотор взялся с пол-оборота. Геннадий вышел из машины, склонился над мотором. Послушал, погазовал, нажимая рукой на рычажок акселератора.

– Прокатиться можно?

– Без проблем, – Слава распахнул ворота.

Мы с Василичем выехали на улицу, проехали пару кварталов по Боярке, вернулись. Геннадий Васильевич заглушил двигатель.

– Значит так. Коротко о главном, – начал он неторопливо и задумчиво, – пробег у аппарата, конечно, приличный. Движок, как я понимаю, капиталку еще не видел, – Василич взглянул на Славу. Тот согласно кивнул. Гена продолжил, – в целом состояние машинки для ее-то возраста и пробега вполне терпимое.

– Так что, брат? – спросил я в лоб суперспециалиста и посмотрел на Юру, адресуя этот вопрос и ему тоже. Юрка пожал плечами, взглядом показывая на Василича, типа, он же «независимый эксперт», его и слушай, а я родственник хозяина машины, могу быть необъективным.

– За такую цену – ничего лучше все одно не найдешь. Подкопишь денжат, загопишь ко мне, я тебе ее подшаманю как надо, лет десять еще походит, – выдал свое резюме Василич.

– Добро. Беру, – обратился я к Славе.

– По рукам. Вот ключи, прямо сейчас и забирай, – сказал он.

– Сейчас не могу. У меня денег с собой нет.

– Это, право слово, пустое. Ты же Юркин друг. А Юрик мне – брат. Так о чем разговор? Вот ключи, вот доверенность, только свои данные впиши туда, – и делу край! А во вторник подъезжай часикам к девяти к ГАИ в Заречном. Там и машину переоформим на тебя, и рассчитаемся. Лады?

– Лады, – ответил я.

Так я стал обладателем пусть старенькой, но зато собственной машины. Шли первые числа октября. Снега еще не было, но в иные дни уже прилично подмораживало. Поэтому я первым делом занялся подготовкой автомобиля к зиме: перевел подачу воздуха на зим-

ний режим, заменил тосол и все технические жидкости на свежие, купил всесезонную резину «Я-370», ибо настоящей зимней достать было просто нереально. Договорились с Геннадием Васильевичем, что в ближайшее время загоню машину к нему в гараж на основательный ремонт. Но Гена неожиданно пропал. Я знал, что у него сложный период в жизни – развод с супругой, переезд в однокомнатную холостяцкую квартиру и прочие заботы, связанные с разводом. Но уговор, как говорится, дороже денег. А он пропал. Я узнал у Юрки адрес и, набравшись наглости, поехал к Василичу домой.

На звонок в дверь никто не открывал. Я уж было хотел уходить, но чисто машинально толкнул дверь. Она подалась и чуть приоткрылась. В квартире стояла мертвая тишина. «Что-то тут не то», – подумал я и вошел. Гена лежал на диване в комнате, в одежде и под двумя одеялами.

– Василич, ты живой? – Окликнул я его.

С явным усилием приоткрыв глаза, Геннадий отозвался хриплым голосом, процитировав слегка переделанную фразу из известного анекдота про поручика Ржевского и Наташу Ростову:

– С трудом-с, батенька, с трудом-с.

– Да что с тобой?

– Черт его знает. Температура тридцать девять и шесть. Глотать не могу. Три дня уже кроме чая ничего в себя впихнуть не могу. Да и не хочется, если честно.

– Да у тебя, братец ты мой кролик, ангина, – поставил я с хода диагноз, – лекарства принимаешь какие-нибудь?

– Нету у меня никаких лекарств. Я только переехал. Там в ящиках шкафа поройся, может, и завалялось чего.

Я стал открывать многочисленные ящики в шкафу и в мебельной стенке. Все было забито диодами, транзисторами, тиристорами и микросхемами.

– Откуда у тебя такое богатство? – спросил я Василича.

– Я же электронщик по профессии. Иногда и дома кой-что паять приходится.

– Ладно. Ты тут полежи покуда, я через полчаса вернусь, – бросил я и помчался в ближайшую аптеку.

На обратном пути заскочил в гастроном, купил курицу, хлеб, лимон и разное по мелочи. Вернувшись, напоил Гену аспирином, амидопирином и димедролом, приготовил смеси для полоскания горла и сварил куриный бульон. На прощание выдал Василичу подробнейшие инструкции по лечению ангины, по борьбе с температурой и уехал. Приезжал каждый день, проверял, как выполняются мои назначения. Словом, через неделю Василич был как новенький. За эту неделю мы с ним много беседовали, рассказывали друг другу о себе и о жизни, и в итоге довольно близко сошлись.

Пришло время заняться ремонтом моей «двоекки». Генка составил внушительный список запасных частей, необходимых для ремонта. Я съездил в Свердловск, прикупил первую партию деталей, привез Гене. Тот взял одну деталь, осмотрел, потом другую, третью. Сложил все, купленное мной, в пакет и изрек:

– Это все – аккуратненько в ведерко! – Имелось ввиду ведро под мусор, что стояло в гараже Василича, в уголке возле ворот.

– Как так «в ведерко»? – опешил я, – новые же запчасти!

– Говорю тебе – в ведерко! Учишь вас, учишь. Кулаки уже болят! Где ты этот хлам накупил?

– На авторынке. Там же дешевле.

– То-то и оно-то! «Дешевле». А то, что эти запчасти никуда не годятся, тебя устраивает? Меня лично – нет. Я не хочу, чтоб у тебя на полном ходу шаровую опору вырвало, и ты в кювет закувыркался. Оно тебе надо? Или движок на трассе встал в лютый мороз. Ладно. Давай-ка, завтра вместе в город сгоняем. Так и быть. Помогу тебе с запчастями.

Я взял на работе две недели отпуска, и мы с Василичем вплотную занялись моим автомобилем. Первым делом поехали с ним в Свердловск за новыми запчастями. Я за рулем, Василич рядом. Все, что нужно купили, возвращаемся в поселок. Вдруг Гена спрашивает:

– А ты где ездить учился, на курсах?

– Нет, – говорю, – я на права экстерном сдавал. А ездить меня отец научил еще в двенадцать лет. Потом два сезона работал с батей в подшефном совхозе комбайнером, куда отца от завода направляли. Там же и трактор освоил. Потом вождение танка. Это уже в институте, на военной кафедре. А что?

– А то. Ездить-то ты совсем не умеешь. Я вон полик у тебя чуть не выдавил. Все тормозить да газовать пытался по привычке. Ты с такими навыками убьешься когда-нибудь.

– Побойся Бога, Василич! Я когда на права сдавал, инспектор, что экзамен принимал, в звании капитан и по фамилии Мороз, так он меня всем в пример ставил. Дескать, все вот так вот, как этот молодой человек, проехать должны.

А когда после экзамена выдавал удостоверения, спросил меня шепотом на ушко – не лишенец ли я и не передача ли это. Я говорю: да нет, первый раз сдаю. На что Мороз изумился и говорит: «У меня так не бывает, чтоб без единого штрафного балла сдавали. Признаться – лишенец?» Я снова: «Да нет, – говорю, – просто с двенадцати лет на бабиной машине ездил». И тут он как заржет: «Так тебя прав лишать за это надо, а я тебе выдаю!» Очень он смеялся, довольный своей шуткой. Так что, Василич, лохом я себя не считаю!

Мы въезжали в поселок.

– А ну-ка, сверни-ка вот на эту дорогу, – неожиданно предложил Гена.

– Зачем? – спрашиваю.

– Давай, давай. На автодром заскочим, проверим, кем ты там себя считаешь.

Мы подъехали к свороту на автодром.

– Стой! Вылезай, меняемся, – скомандовал Василич и, сев за руль, помчался на занесенный первым снегом автодром. Это была большая, свободная и ровная площадка, в дальнем углу которой притулились красные фишки, обозначающие места для отработки приемов вождения: «дворик», «змейка» и «параллельная парковка». От основной дороги до автодрома было метров сто пятьдесят – двести. На этом расстоянии Геннадий умудрился разогнать машину почти до восьмидесяти километров в час и, не снижая скорости, влетел на площадку автодрома. Я сжался в комок и уперся ногами в полик пассажирского сиденья. «Что творит? Ухлопаемся же!» – мелькнуло в голове. Василич мгновенными, уверенными движениями рук и ног ввел машину в лихой управляемый занос, передернул передачу, отработал педалями, и мы уже неслись с той же скоростью прочь с автодрома. Резким рывком ручника Гена развернул машину на сто восемьдесят градусов и остановился.

– К барьеру! Повтори упражнение, – обратился он ко мне, улыбаясь.

Я сел за руль и попытался проделать то же самое. Получилось некудышно. И медленнее в два раза, да и вообще как-то неуклюже.

– То-то, – наставительно сказал Василич, – а теперь слушай и запоминай...

Так началось мое обучение навыкам экстремального вождения. Гена все рассказал, показал и объяснил. После я много раз тренировался, доводя свои движения и навыки до автоматизма. И, конечно, не только «ломать», как говорят гонщики, машину в повороте, но и экстренно тормозить на скользком покрытии, выполнять «полицейский разворот» и многое-много другое. Наука Геннадия Васильевича и мои тренировки не прошли даром. Не раз потом этот опыт спасал меня в разных ситуациях на дорогах.

Гараж Василича больше напоминал некий симбиоз хорошо оборудованной автомастерской и крохотной уютной квартиры. На стенах были развешены щиты с ключами и инструментами. Ящики верстака завалены хитрыми приспособлениями для ремонта машин и запасными частями. На потолке были закреплены блоки, балки с тросами и крюками, смотровая яма обо-

рудована освещением, полочками для инструмента и даже вентилятором. У дальней от ворот стены приютился удобный диванчик, два журнальных столика, – один для приема пищи, другой для специализированной литературы по автомобилям, сварке и слесарному делу и пара-тройка раскладных стульчиков. Все это дополняли баллоны с аргоном, кислородом и ацетиленом, сварочный аппарат-инвертор и щиток электропитания на 220 и 36 Вольт. Короче говоря, здесь было все необходимое для ремонта машин и автономного проживания.

Василич не только перетряхнул весь мой «аппарат», как он уважительно называл автомобили, но в процессе работы еще и объяснял мне попутно, что да как устроено в этом чуде советского автопрома. Первый пуск аппарата после капитального ремонта был намечен на ближайшую субботу. Пока Геннадий доводил до ума мою машину, я занялся мелким домашним ремонтом. Надо было подготовиться к зиме, ибо состояние жилища в общезжитии – забота самих проживающих там аборигенов.

Вечером ко мне заявился Андрюха Мухин:

– Шел мимо, смотрю – свет у тебя горит. Дай, думаю, попроведаю приятеля, а то что-то тебя совсем не видно стало. Куда пропал? – с порога начал Андрей.

– Так я же «Жигуленка» старенького купил. Вот, ремонтируем его теперь денно и нощно. Ты-то как? – спрашиваю.

– Да все бы ничего, только вот прокрастинация, проклятая, замучила, – ответил Мухин.

– Это что за страсть такая? С чем ее едят?

– Ну, это патологическое желание откладывать дела на потом. Лень, короче говоря, понаучному. Что у тебя с жильем? Обещают?

– Так давным-давно обещают, только воз и ныне там. К Новому году, вроде как, должно решиться. Бюрократия, понимаешь, кругом непробиваемая. То такую им справку принеси, то эдакую. Тянут, в общем, кога за хвост.

– А что Вы, милостивый государь, – вдруг подбоченившись и напустив на себя невероятную солидность, пафосно произнес Андрей, – что вы имеете мне возразить, если я опишу Вашу проблему одной-единственной фразой – да пошли они все!

– И как всегда, Вы правы, батенька! – засмеялся я.

– Слушай, – заговорщицки понизив голос, сказал Мухин, – я тут новое стихотворение написал. Точнее – балладу. Вот принес тебе показать. Очень хотелось бы знать твое мнение. Я оставляю, посмотри, пожалуйста, потом обсудим как-нибудь при встрече.

– Добро, – говорю, – почитаю. И когда ты все успеваешь, друг мой?

– Помнишь, шестидесятники лет этак тридцать назад, все копы в горячих спорах переломали: кто нужнее в этом мире – физики или лирики? Так вот я решил эту дилемму для себя оптимальнейшим образом – соединил в себе и то, и другое. Все просто!

Мы попили с Андрюхой чаю, поболтали еще о насущных делах, и он умчался по своим делам. Я поспешил лечь спать – ведь уже завтра суббота, та самая, на которую намечено завершение ремонта моего аппарата.

Утром, как и договаривались с Василичем, я был у его гаража. Но Генки не было. «Опять пропал, ешкин свет! – ругался я про себя, – где его черти носят?» Страшно не хотелось переться обратно в поселок и разыскивать запропастившегося Василича. Прошло более получаса. Я уже собирался уходить, как вдруг вдалеке из-за угла появилась спешащая коренастая фигура, в которой без труда угадывался облик Василича.

– Ну и где ты, болезный, застрял. Я уже устал ждать, – укорил я его.

– Бегу, бегу, трусы раздулись! – оправдывался Василич, отпирая калитку гаража, – да попили тут, понимаешь, в ночь с пятницы на понедельник, встать утром просто влом было!

Причем слово «попили» Василич произносил с ударением на первый слог – «пОпили». Вообще, речь его изобиловала всякими шуточками-прибауточками, к которым я никак не мог привыкнуть, и каждый раз искренне и от души хохотал.

Зашли в гараж, перекурили. Затем Геннадий переоделся в рабочую спецовку, вскипятил чайник, опять перекурили.

– Василич, время идет, – напомнил я, – хотелось бы сегодня выехать.

– Я в курсе, мать писала. Но сегодня не получится. Смотри: сейчас приторочим навесные агрегаты, потом запустим движок, и надо, чтоб он часика три-четыре помолотил на холостых. Для промывки системы охлаждения. Потом регулировки на горячем. В общем, сегодня вряд ли. Кстати, ты запустишься сегодня хочешь, чтоб завтра уже наверняка выехать?

– Само собой.

– Тогда вот что. Дуй, давай, за пивом, а то ни дела, ни работы. Плющит меня что-то. Никак не настроюсь.

– А с пивом, можно подумать, настроишься?

– Проверено многолетним опытом. И потом, пиво с утра не только вредно, но и полезно, сам знаешь. Давай, сгоняй. А я пока попробую начать робить с Божьей помощью.

Делать нечего. Я быстро смотался на автостанцию. Там в буфете всегда продавали свежее пиво. Принес. Василич прервал начатую было работу, ловким, отточенным движением открыл бутылку и выпил пиво залпом. Сел, закурил.

– Хорошо. Как ангелочек босичком по пищевому тракту, – изрек он.

В калитку постучали. Я открыл. В гараж ввалился невысокий, но очень толстый мужик со свиным лицом. Посмотрел на меня маленькими острыми глазками на заплывшем жиром лице, и каким-то визгливым, совершенно не вяжущимся с его габаритами голосом, пропищал:

– Геннадий Васильевич, выручи по-соседски. Шумок какой-то в двигателе у меня появился, а что шумит – не пойму. Глянь, пожалуйста, ты же спец.

Мы с Василичем вышел из гаража. У ворот стояла зеленая «шестерка» «Жигулей».

– Дерни компот, – велел Василич борову. Тот сел в машину, потянул за ручку открывания капота. Василич поднял капот, заглянул под него, сделал круглые глаза и выпалил с искренним удивлением:

– Ни фиги себе!

– Что, что там, Василич? – заволновался хозяин машины.

– Мото-ор! – сказал Василич, показывая пальцем на двигатель.

– Ну, мотор. Что дальше-то? – не понял юмора боров. А я уже начинал давиться смешком, видя, как прикалывается над этим чудиком Геннадий.

– Жижито мало совсем, – с упреком сказал Василич.

– Какой, Ген, жижито? – опять не понял боров.

– Тормозной, какой же еще. Следить надо за автомобилем, молодой человек. А то сел, на смычок, бублик в руки и поехал. А за уровнями технических жидкостей кто смотреть будет? Ладно, запускай, – скомандовал Василич.

Боров завел двигатель. Даже мой дилетантский слух отчетливо уловил посторонний шумок в моторе.

– Ну, что скажешь? – спросил боров. Василич напустил на себя важности и сказал веско:

– Одна греметь не будет, а две опять не так гремят! Коротко о главном: у тебя оборвало успокоитель цепи. Надо менять.

– Василич, а так можно ездить?

– Ездить, конечно, всегда можно, пока едет. Но если цепочка на зубчатке перескочит, клапана загнешь на раз-два. Тогда всю голову у движка перебирать придется. Скупой платит дважды. Решай сам.

– Слушай. А сегодня сможем починить?

– Сегодня нет. Видишь, у меня клиент стоит. Давай, езжай к себе, начинай снимать радиатор, крышку на блоке, а я, как освобожусь, подойду и успокоитель тебе поменяю. Купи только новый-то.

Боров уехал. Мы с Василичем закончили сборку движка, запустили. Был поздний вечер. – Давай так. Завтра с утра я тебе все настрою, отрегулирую, и после обеда аппарат будет готов. Тогда и заберешь, – предложил Гена.

На том и порешили.

Машину Василич сделал просто отлично. Много лет она потом служила мне верой и правдой.

Время шло. Вот уже и Новый год наступил. Праздники пролетели как один день. А после выходных меня ожидало приятное событие – мне выделили квартиру. Да сразу трехкомнатную. Радости не было предела! Концовка зимы и весна прошли в приятных хлопотах: оформление документов, ремонт в квартире, покупка новой мебели и всякое такое. На майские праздники привез семью, заселились и решили с супругой устроить новоселье. Почти все родственники, на которых рассчитывали, приехать не смогли: у кого огород, у кого дела, а кому-то просто в другой город ехать не захотелось. Поэтому собрались в основном друзья: Игорь, Юрка, Андрей Мухин да пара соседей по общежитию. Несмотря на пустые полки в магазинах, где по талонам, где по благу нам удалось достать кое-каких продуктов. Жена у плиты постаралась на славу, и стол получился отменный.

Если Юрка пришел один, без своей «половинки», то Игорь появился сразу с двумя дамами: со своей супругой и со Светкой Смирновой. Об этой Светке следует сказать особо. Познакомились они с Игорем на работе. Только Игорь работал в райкоме партии, а Светлана – в райкоме комсомола. Скоро выяснилось, что и живут они по-соседству, в одном малосемейном общежитии. Более того, супруг Светкин тоже окончил наш институт, только на пару лет раньше нас, и работает теперь на монтаже. Мотается вечно по командировкам: то в Добрянке, то в Сибири, то еще где-то. Такова уж судьба монтажника. Хотя основным местом «приписки» считается Белоярка. Словом, сдружились они семьями, и Игорь, как старший товарищ, взял над Светланой своеобразное шефство. Света же была человеком совершенно неординарным. Была в ней невероятная женская привлекательность. Просто магия какая-то, заставляющая любого мужчину волей-неволей обращать на нее свое восхищенное внимание. Нам всем было уже под тридцать, кто-то уже и на четвертый десяток замахнулся, а Светке едва-едва исполнился двадцать один. Несмотря на свою молодость, она умела очаровать любого. К тому же не обделена была живым, острым умом. Возможно, ей где-то не хватало образования и элементарной эрудиции, но она с лихвой компенсировала этот недостаток не по годам развитой интуицией и житейской смекалкой. Я был знаком со Светланой, правда, весьма шапочно, уже не первый месяц, но все не мог понять секрет ее магнетизма и очарования. Идеально красивым ее лицо, может быть, не назовешь, хотя оно было, безусловно, привлекательным и милостивым. А вот фигура – это да! Просто идеальная фигурка. Шикарные волосы, аккуратный маникюр, минимум косметики... Но совсем не это выделяло ее среди других представительниц прекрасного пола. Ее мягкие, кошачьи движения, ее манера говорить, ее привычка упирать указательный пальчик в свою щечку, когда она о чем-то задумывалась или поджимать губки, когда была чем-то недовольна... И эти глаза! Этот удивительный взгляд ее больших карих глаз! Мягким бархатом он нежно будь-то бы ласкал самые глубинные фибры твоей души, успокаивал воспаленные нервы и одновременно с этим заставлял сердце бешено колотиться в груди. «Извини, не мог бы ты помочь мне в одном деле?» – она только начинала фразу своим нежным, певучим голосом, а душа твоя уже ухала куда-то вниз, и ты уже готов был мчаться за тридевять земель, чтоб свернуть для нее любые горы! Чем-то она неуловимо напоминала мне Настасью Филипповну из «Идиота» Достоевского.

Игорю было по-отечески жаль оставлять в одиночестве это милое очаровательное создание, и он в последнее время таскал ее на всякие официальные и неофициальные мероприятия за собой.

Все устроились за нашим небольшим столом. В тесноте, да, как говорится, не в обиде. После традиционных для таких мероприятий тостов за новоселье, пожеланий счастья и прочее, и прочее, разговор как-то сам собой скатился к обсуждению ситуации в стране, к дефициту в магазинах и, конечно же, к обсуждению Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева.

– Ничегошеньки у него, бедного, не получается и ничего путного уже и не получится. Одна пустая болтовня. Брежнев пусть в орденах весь был. Ну, любил дедушка побрякушки. Бог с ним. Этот же – весь в талонах. Вчера в новостях сказали, что где-то на черноземье уже и презервативы, извиняюсь, по талонам продавать начали, – возмутился Ракочий.

– Это твоя политическая близорукость, – возражал Игорь, – ясно же, что наша партия, под руководством Горбачева, кстати, взяла курс на «социализм с человеческим лицом», как выразился Михаил Сергеевич. Думаешь, так просто такую махину, как наша страна, развернуть на новые рельсы? Да еще и на местах чиновники многого недопонимают, тормозят процесс перестройки.

– Знаешь, – горячился Юрка, – мне лично глубоко по барабану, кто там что тормозит, а вот то, что жрать нечего, в магазинах шаром покати, пусто, что мой больной старик-отец без лекарств остался, что элементарных вещей, – да хотя бы тех же презервативов, – днем с огнем не найдешь – это как? Форменный бардак в стране.

– А если вспомнить, что из-за этого засранца мы свои ракеты на металлолом порезали, корабли современные – туда же, ракетный железнодорожный комплекс угрохали... Вот где бардак так бардак! – Не выдержал я.

– Вчера он предал идеалы, так сказать, коммунизма, а завтра и новое «человеческое» лицо социализма предаст. А за дружбу с Рейганом и денежные подачки, – так и страну!.. – Юрка ткнул пальцем в грудь Игорю.

Неожиданно дверь открылась, и в прихожую вошел Геннадий Васильевич.

– О-о! милости прошу к нашему шалашу, – поднялся я ему навстречу, – я уж думал, ты не придешь.

– Что значит «не придешь»? Я же обещал, а уговор дороже денег! Сам говоришь.

– Заходи, заходи, давай-ка вот штрафную тебе, – я налил Василичу рюмку водки.

– Ни грамма в рот, ни миллиметра в попу, – запротестовал Генка, – извини, конечно, но мне еще Танюху по делам тут свозить надо.

– Не понял. Вы же вроде как разошлись. Или старая любовь не ржавеет?

– Да это другая Танюха. Бывшая жена – это Т-1, а эта уже Т-2. Я ж не виноват, что их обеих Татьянами зовут!

– Смотри, Василич, так ведь и до Т-34 недолго доиграться, а там и Т-55, и Т-80, глядишь появятся, – засмеялся я.

– Разберемся, – глубокомысленно ответил Василич.

Гена немного посидел с нами, слегка перекусил, выпил две кружки крепкого чая и умчался к своей Т-2. Я проводил его и вернулся за стол. Тональность разговора к тому времени сильно поменялась.

– Все проблемы в этом мире, в том числе и политические, и экономические, и социальные – от бескультурия, от разрыва связи человека с природой, от ошибочного пути развития цивилизации, – говорил Мухин, – вы посмотрите, как все на Земле обустроено. Как специально и именно для удобства человека. Сколько съедобных растений, домашний скот, даже деревья. Будто специально кто-то это все придумал. Например, те же деревья – идеальный строительный материал, можно построить дом. Идеальный материал для бытовых изделий – посуда, лопата, орудия труда. Идеальное топливо. И все только лишь из одного дерева! А вода? Кто-нибудь из вас задумывался хоть раз, что такое вода? Начать с того, что это единственное вещество, которое расширяется при охлаждении! Если бы не это свойство воды, жизни на Земле могло бы вообще не быть. А то, что вода, оказывается, имеет свойство памяти, что недавно

открыли ученые. Как с этим быть? Все кем-то для нас придумано и кем-то все спланировано. А то, что времена тяжелые, так бывали и похуже. Война, например. Зато обратите внимание, в какое удивительное время мы живем. И я не о перестройке и ускорении. Не о новых веяниях в политике. Наука, как таковая, если помните, зародилась много веков назад в недрах церкви. Именно монахи были самыми просвещенными людьми в те времена. Именно «служители культа» более других слоев населения использовали письменность, именно они стояли у истоков прикладных наук и изучения законов природы. Позже, с развитием науки, как самостоятельного направления человеческой деятельности, религия и наука стали все больше отделяться друг от друга. Более того, со временем их отношения переросли в откровенный антагонизм, а порой и в открытую вражду. Наука шла своим путем, опровергающим догматы церкви, создавая постепенно собственную веру – веру во всемогущество его величества Гомо Сапиенса, как представителя высшей ступени развития жизни на Земле. И что мы видим на сегодняшний день? Мы видим, что наука достигла определенного уровня своего развития, такого уровня, что вольно или невольно, возможно сама того не желая, наука все чаще стала подтверждать те самые догматы церкви и постулаты Веры, с которыми она же сама и боролась на протяжении многих веков! И все отчетливей эта тенденция проявляется именно в наши дни. Ну, скажем, взять хотя бы споры о Туринской плащанице. Сколько уже копий сломано, сколько теорий и предположений высказано, сколько опровержений представлено... И что? Последние исследования на суперсовременном оборудовании и с помощью рентгенографии в частности неопровержимо доказали, что кровь на ней – настоящая, что на спине отпечатавшейся фигуры человека следы от ударов плетью. Причем ровно столько, сколько указано в Евангелии. Более того, удалось обнаружить отпечатки старинных монет на плащанице. Причем имя кесаря написано с ошибкой. Так вот, историки установили, что действительно, в годы земной жизни Иисуса Христа была выпущена партия монет с опечаткой в имени кесаря. Но поскольку монеты уже были увезены очень далеко от Рима, решили их не изымать, ибо печатать новые и снова везти в такую даль до Палестины – слишком дорогое удовольствие. Много чего еще можно говорить о плащанице, но я лучше приведу еще другие факты сближения современной науки и религии. К примеру, обнаружено, что сложные молекулы неорганической химии способны образовывать еще более сложные комбинации, которые уже смело можно отнести к органике, потому что это уже «строительные кирпичики», из которых состоит РНК. А ведь РНК – это основа ДНК, то есть живой материи! Но как вы думаете, почему молекулы вдруг берут и срastaются в те самые сложные комбинации? Под воздействием звука. Да не просто звука, а именно тембра человеческого голоса! Скажете, что тут такого, причем здесь религия? А с чего, дорогие мои, начинается Библия? «Вначале было слово». Слово Создателя, который сказал: «Да будет свет». И разделил свет и тьму. Потом создал Землю, разделил сушу и воду, потом заселил Землю растениями, скотом и гадами... Ну, и так далее по тексту. Или вот еще. Мой родной дядя, а он у нас астрофизик, говорит, что чем больше астрономы узнают о Солнечной системе и даже о дальнем космосе, тем больше у них уверенность, что весь этот мир не появился сам по себе из хаоса. Отнюдь! Все в космосе очень продумано и упорядочено. Да взять хотя бы нашу Солнечную систему. Посмотрите, расположение планет не подпадает ни под какие законы физики! Зато насколько «удачно» все устроено. Юпитер, к примеру, самая большая планета, находится почему-то именно в том месте, которое позволяет ему защищать Землю от крупных метеоритов и комет. А Луна? Это же одно из самых загадочных небесных тел! Почему она всегда к нам повернута одной стороной? И что там, на обратной стороне Луны творится? Почему проекции Луны и Солнца на небе одного диаметра? Словом, не случайно все это. Кто-то все это продумал и создал! И вообще, огромное количество вещей, о которых говорится в Библии, находят в наши дни научное подтверждение.

Юрка задумчиво почесывал свою бородку, Игорь хотел было что-то то ли возразить, то ли спросить, подался было всем телом вперед, но передумал, откинулся на спинку стула

и уткнулся взглядом в одну точку на столе. Светка же на протяжении всей Андриюхиной речи смотрела на него не отрываясь, глаза ее подернулись какой-то маслянистой поволокой, на губах застыла чуть заметная улыбка. До этой встречи они не были знакомы. Я видел, что Андрей произвел на Светлану сильное впечатление, и начинал за нее слегка беспокоиться.

– Никогда не думала, что бывают такие умные мужики, – тихо произнесла она, все также глядя на Андрея, – и откуда ты все это знаешь?

– Ну... – начал было Мухин.

– Все, хватит разговоров, – вдруг выпалила моя супруга, – вас не переслушаешь, а соловья баснями не кормят! Доедайте второе, сейчас чай с тортом будем пить. Кстати, Юра, может, споешь что-нибудь?

Юрка и в самом деле великолепно пел и мастерски владел гитарой. Голос у него был необыкновенно приятного тембра. «Тебе только с „Песнярами“ петь» – говорили ему многие, кто его слышал. Юрка потянулся за своей гитарой, которую предусмотрительно захватил с собой, немного ее подстроил, взял несколько аккордов:

– Что споем? – обратился он к нам.

Вопрос был отнюдь не праздный. Во-первых, Юра любил, чтоб ему подпевали, когда вот так вот, за столом и в тесной компании, а во-вторых, в последнее время случился просто какой-то бум музыкальный: страшно популярным был новоявленный бард Александр Новиков, восходила звезда «Наутилус Помпилиуса», «Агата Кристи» и «Урфин Джюс» громко заявили о себе на уральской сцене. Да и «традиционная» эстрада заиграла новыми красками с появлением молодых талантов: Корнелюк, Глызин, Таня Буланова, да и многие другие. Так что выбор у нас был широкий.

– Давай, Юрка, нашу для разминки, – предложил я, – а там как пойдет.

Ракочий запел нашу студенческую песню. Я принес свою гитару и стал тихонечко наигрывать импровизацию. Мы спели несколько песен, потом пошли танцевать. Моя жена меняла столовые приборы для чаепития, резала торт. Ко мне подошел Мухин:

– Пойдем, покурим, – мы вышли на крыльцо подъезда, закурили.

– Кстати, можешь меня поздравить, – сказал Андрей.

– Что случилось?

– Мне тоже жилье дали. Правда, малосемейку пока, но обещали в течение года выделить полноценную однокомнатную. Сейчас оформляю документы, сделаю ремонт и перевезу семью из Новоуральска наконец-то. Так что через месяц-другой милости прошу ко мне на новоселье. Да, не подскажешь, где отделочников можно найти хороших для ремонта?

– А что тут искать. Мне вот ремонт делали тетки из нашего РСЦ – ремонтно-строительного цеха на станции. Отличные мастера. Рекомендую.

Я дал Андрею адреса, телефоны, явки и пожелал успеха.

Уже за полночь гости стали расходиться. Светка попрощалась и убежала раньше всех. Следом потянулись остальные. Мы с Андриюхой закурили на дорожку, и он ушел последним.

Через пару дней я заехал к Василичу в гараж, чтобы заклеить проколотое колесо. Там сидела теплая компашка из трех человек: Василич и два его приятеля, завсегдагаи гаражей. На столике стояла початая бутылка водки, опорожненная наполовину банка кильки в томатном соусе, два кусочка засохшего хлеба и большая луковица. Судя по состоянию заседающих, бутылочка была уже далеко не первая.

– Привет, привет, – заулыбался Васидич, – давай-ка с нами по рюмашке.

– Не могу, Василич, извини. В город надо срочно ехать, а колесо спустило.

– Не понял. Мы что, из-за ста грамм дружбу будем терять? – засмеялся Гена, – ладно, вот тебе сырая резина, вот клей. Где вулканизатор лежит – сам знаешь. Давай, занимайся, а мы тут на грудь примем пока.

Калитка открылась и в гараж вошел сосед Василича. Пожилой мужик, с благородной сединой и усталым лицом.

– Василич, у меня к тебе вопрос, – начал он с порога.

– На любой вопрос – любой ответ, – парировал Геннадий.

– Съемник для шаровой у тебя есть?

– Кто не пьет, у того все есть, – важно ответил Василич и опрокинул в рот рюмку. Сладко занюхав водочку кусочком хлеба, Гена достал с полки стеллажа съемник.

– В тетрадке запишись, что взял, – напомнил Василич порядок, заведенный им еще несколько лет назад. Много у него всякого инструмента и уникальных совершенно приспособлений. Люди берут попользоваться, а возвращать зачастую забывают. Так чтоб не терялся инструмент, Василич завел тетрадку, куда записывал, кому и что давал.

– Да Бог с тобой, Гена. Я хоть раз чего-нибудь не вернул? Да и тут я, за стенкой. Никуда не денусь, отдам, – возмутился сосед.

– Ты прав, как мое правое яйцо. И даже чуть-чуть правее. Но запишись все равно. Ты не забудешь, так я забуду куда что ушло. – настаивал на своем Василич.

Я завулканизировал камеру, забортовал колесо и сел к столу перекурить.

– Может, все-таки дернешь писярик? – спросил Гена, намекая прозрачно на пятьдесят грамм водки.

– Нет, Василич. Во-первых, ехать надо, а во-вторых, писяриком ведь не обойдется, а завтра с утра на работу. У нас на проходной, сам знаешь, с запашком не проскочишь, – ответил я.

– Если пьянка мешает работе – брось ее нафиг, такую работу свою! – глубокомысленно изрек Василич.

– Ладно, бывайте, братцы, – поднялся я, – да смотрите, не переусердствуйте, до дома-то топать не близко.

– Если мы не можем идти, мы едем! – ухмыльнулся Василич.

Из города я вернулся поздно. На скамейке у подъезда я обнаружил в сумерках Андрея Мухина. Вид у него был какой-то потерянный.

– О чем задумался, детина, ямщик приветливо спросил, какая на сердце кручина, скажи тебя кто огорчил, – пропел я строчку из старинного романса, – ты чего тут?

– Тебя жду. Разговор есть.

– Ну, выкладывай, что у тебя стряслось?

– Случилось страшное, – начал Андрюха, – я жене изменил. Первый раз в жизни. Но самое хреновое даже не это. Самое хреновое то, что я влюбился! По уши, что называется.

– Господь с тобой, Андрюха! В кого это, если не секрет?

– Не секрет. В Свету, которая у тебя на новоселье была.

– И когда же это вы успели-то?

– А вот, слушай, – вдруг с жаром заговорил Андрей, – помнишь, тогда, с новоселья, Света ушла первой? Так вот, никуда она не ушла. Она спряталась в скверике у школы, а оттуда твой подъезд – как на ладони. Помнишь, все ушли, а мы с тобой еще курили стояли. Так она дождалась, когда мы расстанемся с тобой, догнала меня по дороге и попросила ее проводить до дома. Зашли мы к ней. Мужа у нее не было, в командировке он, кажется. Ну, посидели, чай с печеньем попили, поболтали. Время-то – ночь. Я засобирался к себе в общагу. А она: «Не пущу, – говорит, – и все тут!» Я все одно хочу уйти, так она встала у двери, руки в проем уперла – одно свое «Не пущу!» Ну, что мне было делать? «Где ж я, – говорю, – спать-то буду? Завтра ж на работу!» А она постелила мне на полу рядом со своей кроватью и говорит: «Ложись. Поболтаем еще немного, и спи себе. Утром я тебя разбуджу». Ну, легли, разговариваем. А она потихоньку, потихоньку так, все ближе к краю, ближе, да и сползла, как бы случайно, что ли, ко мне. Куда деваться? Пустил ее под одеяло. Дальше объяснять? Нагишом, под одним одеялом с такой роскошной девочкой! Ну, кто бы устоял? Вот ты бы устоял?

– Не знаю, Андрюха, я с ней под одеялом не был. Впрочем, я тебя понимаю. Есть в ней какая-то чертовщинка.

– Не чертовщинка, друг мой, не чертовщинка! А грандиозный вулкан страсти! Понимаешь? Просто вулкан! Я такого никогда не встречал и не испытывал. Это было нечто! Я пропал! – Андрюха внезапно сник и замолк.

– Что теперь будет? – прошептал он, предвосхитив мой вопрос слово в слово.

Мы попрощались, и Андрей побрел к себе в общежитие. Я долго провожал взглядом его ссутулившуюся, скорбную фигуру, медленно удаляющуюся в темноту. «Ну, дела!» – выдохнул я и пошел домой.

В воскресенье с утра жена выгнала меня в магазин за хлебом. Денек занимался чудесный. Островки леса, оставленные при строительстве в разных концах поселка, звенели птичьим многоголосьем, солнышко всходило на абсолютно безоблачном небе, в теплом, чистом воздухе разливалась какая-то летняя, воскресная нега. Возвращаясь, я с удивлением натолкнулся на стоящий прямо у крыльца соседский «Запорожец». Возле машины на табуретке сидел и хозяин этого чуда техники – одноногий старик Владимир Георгиевич. Автомобиль появился у него недавно, и выделен был ему государством бесплатно, как инвалиду и участнику Великой Отечественной войны. Нogu он, правда, потерял не на фронте, а в семидесятые годы – отрезали врачи по причине запущенного облитерирующего эндартериита. Бывает такая болячка у обязательно курящих людей. Сосуды в конечностях перестают нормально работать, конечность загнивает, и ее ампутируют. На фронте же он был всего один день. Призвали его в армию весной сорок пятого. Пока подготовили, пока привезли в Германию, наступил май. Бросили молодое пополнение прочесывать лес на предмет выявления прячущихся там фашистских недобитков. Друг Георгиевича, шедший с ним рядом, подорвался на пехотной мине и погиб, а Георгиевича легко контузило. Попал в лазарет, там и узнал, что войне конец, Победа. Но по всем документам – все одно участник ВОВ. Вот машину с ручным управлением ему через собес и дали.

– Здравствуй, сосед, чего это ты тут расположился? – спрашиваю его.

– Да вот, пришло время масло в двигателе менять. А как мне безногому? Я и решил тут, возле дома, на табуреточке.

– Постой, постой. Машина же новая совсем, да и едешь ты только до ближайшего магазина. Когда же столько набегать-то успел, что масло надо менять? – удивился я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.